

повествующая о событиях в жизни нанайского народа предреволюционных и первых послереволюционных лет, а также повести-поэмы мансийского писателя Ювана Шесталова.

Появление значительных произведений за сравнительно небольшой промежуток времени, произведений, авторы которых являются представителями младописьменных литератур, сразу же обратило на себя внимание критиков и литературоведов. Много писали о связях этих произведений с фольклором, о своеобразии и необычности романного жанра. Г. И. Ломидзе отмечает: «Роман здесь берет на себя обязанность быть исследователем не только духовной ценности человеческой личности, но почти всех наиболее существенных сторон истории и философии родного народа на протяжении многих десятилетий. Романы — своего рода первооткрыватели национальной жизни, психологии, истории» [3]. Тот факт, что эти произведения писались главным образом на русском языке, также не прошел незамеченным. По мнению Н. Джусойты, «обращение некоторых романистов молодых литератур к русскому языку в качестве языка творчества вызвано прежде всего (скорее неосознанно, чем по убеждению) именно неподготовленностью в определенный период родного языка к свободному выражению сложнейшего романного содержания» [4].

Этот тезис вызывает сомнения разного рода. Во-первых, обращение к русскому языку происходит сознательно, о чем свидетельствует ряд высказываний самих писателей. Во-вторых, возникает вопрос: почему у одних авторов родной язык оказывается неподготовленным для выражения романного содержания, а у других подготовленным? В качестве примера можно назвать Семена Курилова — автора широко известного романа «Ханидо и Халерха», написанного на юкагирском языке. А юкагирский язык в том смысле, в котором говорит Н. Джусойты, мало чем отличается от нивхского или нанайского. В-третьих, насколько правомерен признак «подготовленности» или «неподготовленности» языка по отношению к жанру художественного произведения? Можно ли сказать, что жанр романа ставит своим условием обращение младописьменного автора к русскому языку, а, например, лирическая поэзия находит свое воплощение в родной для писателя языковой стихии? Но такой взаимозависимости нет. И лучшее свидетельство тому — творчество самих писателей.

В 1978 г. на страницах журнала «Простор» были опубликованы материалы «Круглого стола», где обсуждалось творчество молодых русских и русскоязычных писателей Казахстана и республик Средней Азии. В ходе дискуссии критик Павел Косенко, ссылаясь на одну из последних статей Мухтара Ауэзова, где этот крупнейший казахский писатель говорил о появлении русскоязычных авторов в национальных республиках, высказал следующее мнение: «С тех пор прошло много лет. Отмеченное Ауэзовым новое явление в многонациональной советской литературе доказало свою жизненность. Сейчас точнее, пожалуй, говорить не об одной группе русскоязычных национальных писателей, а о целом ряде таких групп в разных национальных республиках, бесспорно, играющих заметную роль в текущем литературном процессе. Как всякое новое явление, возникновение и деятельность таких групп национальных писателей вызвало к себе неоднозначное отношение. В Казахстане, например, раздавались полярно противоположные голоса. Разумеется, существование групп таких писателей ни в коей мере не может „отменить“ литературы на родном языке или хоть как-то заслонить ее. Но появление таких писателей обогащает палитру национальной литературы» [5, с. 106].

Автор приведенного высказывания, отдавая должное художественному билингвизму в развитии советской современной литературы, не до конца определяет отношение русскоязычного произведения национального автора к национальной же литературе в целом. В данном случае не раскрыто и существо той роли, которую играет при этом русский язык. Интересно, что сам термин «двуязычие» получил на той же конференции определенный